

Сотворение негодяя

Саади Исаков

Прежде, чем сесть за этот рассказ, я долго думал о происхождении скрытых сил и смыслов, неведомых и необъяснимых, которые заставляют нас совершать немотивированные и неожиданные поступки, в том числе и из области психиатрии, самой мутной из всех человеческих наук. К примеру, с чего это вдруг с виду спокойный и вежливый человек вдруг берется за нож и врезается в другого, тоже не менее вежливого человека? И ладно, если он ходил от подъезда к поезду и мучительно вынашивал свое зло, прикидывая Ницше к Шопенгауэру, а то так, вдруг, ни с того ни с сего.

Между прочим, фамилия Аркадия была Святой. Надо заметить, ему самому казалось, что в жизни он был под стать своей фамилии, в отличие от младшего брата Гены, полной ему противоположности, носившего свою фамилию как бы в издевательскую насмешку.

Братья были погодки, но внешне они выглядели так, будто один родился и вырос в скучную эпоху голода, дистрофии и рахита, а другой в период всеобщего благоденствия и изобилия, то есть Аркадий был маленький, кривоногий и тощий, а Гена был высокий, ширококостный и крупный, и даже если сильно приглядеться, то и братьями их можно было назвать со значительной натяжкой, в лучшем случае сводными или вообще двоюродными, если, конечно, не повезло сличить с их собственными родителями: Аркадий был вылитая мать, маленькая и хрупкая, Гена же был точь-в-точь отец, из породы ломовых евреев, которым за всю жизнь ни разу не приходилось слышать в спину слово жид, даже произнесенное шепотом, за их убедительный и угрожающий вид.

Со временем Аркадий слегка округлился, и стал еще больше походить на мать, уже к тому времени похороненную на Востряковском кладбище, Гена тоже потолстел, и стал еще внушительнее, даже перещеголял отца, ушедшего из жизни следом за матерью и похороненный рядом с нею. Неразлучные по жизни, они скоро обнялись смертью.

С детства братья поделили между собой два традиционных направления еврейской занятости, книжную и коммерческую. Аркадий прекрасно учился в школе и выбрал «редкую» для еврея профессию литературного меламеда, виртуозно интерпретирующего русскую литературную классику, защитил диплом, а затем и диссертацию, стал преподавать в педагогическом институте и издал пару книг, которыми, как ни странно, щеголял перед знакомыми девицами брат Гена, прибавляя себе интеллекта и душевной загадочности.

Гена звал брата профессором. В свою же очередь, сам он пошел как раз по коммерческой части. Сначала, когда Аркадий поступил в университет, Гена был уверен, что брату выпала удивительная судьба, а когда тот поступил в аспирантуру, Гена так за него обрадовался, что громко с восхищением сказал:

— Вот это жизнь!

Сам он поступил сначала в Керосинку, на самый непопулярный тогда факультет Нефти и Газа из-за геологических партий в отдаленные и непривлекательные районы с вздорным, анти-человеческим климатом. В те годы с массовой романтикой 60-х было покончено. После второго курса Гена каким-то образом и только ему известным соображениям перевелся на вечерний в Пищевой институт на факультет виноделия. Благодаря учебе в двух уникальных заведениях первой российской необходимости, обзавелся связями, которые впоследствии помогли ему построить бизнес на нефти, газе и водке.

Сперва между братьями установилась железная иерархия: Аркадий считался ученым, чуть ли не гением, а Гена — спекулянтом и барыгой, позором на голову интеллигентной еврейской семьи. Но

постепенно все переменялось, и уже он сам оказался счастливым исключением. Со временем Аркадий тоже пришел к такому мнению, что именно Гене досталась исключительная доля. Соперничества между братьями не было, как нет и не может быть соперничества между параллельными прямыми.

Третью еврейскую профессию — медицину, о чем тайно мечтала мать за своих детей, никто из сыновей, к её сожалению, не выбрал.

Аркадий был святым не по убеждению, а скорее из осторожности и страха. Он и профессию выбрал неопасную, чтобы шансов было поменьше нанести кому-нибудь вред. Спортом, как брат боксом, не занимался, чтобы не дай бог нанести кому-то непоправимый удар. Выбрал нейтральные лыжи. Гуляя возле дома, сперва терпел унижения, пока Гена не окреп. Потом уже все само собой наладилось. Брат выходил на помощь во двор.;— Будем драться? — спрашивал он уличную шпану.

Те начинали мешкать.

— Ну, как хотите, — говорил Гена и бил кого-то первого в живот. Жертва падала — остальные разбегались.

Иммигрировал он тоже отчасти из страха. Науськиваемый знакомой Полуэктовой на вольнодумство, он понимал, что рано или поздно весь этот кухонный протест и перелистывание самиздата кончатся тюрьмой, поэтому из трех зол выбрал меньшее: расстался с Полуэктовой, прекратил диссидентские посиделки на её кухне и покинул СССР.

Справедливости ради заметим, что Аркадию от советского ханжества было тоже невмоготу. Такое с интеллигентными людьми случается, когда беспричинно от всего вокруг тошнит, глядя в окно хочется выть, а телевизор вообще вызывает рвотный рефлекс. Он уехал в Израиль, но не доехал, попал в Западный Берлин, потом в аналогичную Германию, удачно пристроился на кафедре русского языка одного провинциального университета, ходил туда в синем, свежее купленном костюме в полоску, слишком торжественном для обшарпанной аудитории, и с коричневым портфелем — его коллеги ходили на работу в шортах и сандалиях на босу ногу — и все сокрушался:

— Эти немецкие дети не читали Гофмана! Как я им после этого буду преподавать Гоголя?

Учил, пока кафедру не закрыли в связи с уходом ведущего профессора на пенсию и утраты интереса к русскому языку и литературе стороны местной молодежи в результате развала СССР и потери загадочного врага. Так совпало.

Оказавшись не у дел, Аркадий Святой пробовал себя на разных поприщах, но было уже поздно: пока он увлеченно преподавал, другие накрепко заняли прочие свободные места. Пришлось довольствоваться пособием и на досуге писать статьи в местную русскую прессу, за которые платили гроши или не платили вовсе. Тут он впервые подумал, что как-то непрактично выбрал себе профессию. Медицина была бы выгоднее. Коммерцию он все еще порицал.

Гена же остался жить в России. Для него, никогда не блиставшего ни в каких науках, кроме мелкой фарцовкой и спекуляции валютой, времена настали самые благочестивые. Он не только заработал копейку, но и приумножил её. В отличие от Чичикова, он её не копил, а наживал и тратил, приезжал к брату в Германию, удивлялся, как тот может так скудно, то есть по-европейски жить, водил его по ресторанам на широкую русскую ногу, по магазинам, где Аркадий служил поводырем и переводчиком. По ходу Гена одевал брата с ног до головы, покупал ему все, на что наткался бескорыстный глаз и подходило по размеру, и даже поговаривал, что не худо было бы

вообще присмотреть домик на озере, спальней на водный пейзаж, купальней и катером у причала. И зажить там вместе, чтобы цивилизованные соседи восхищались их дружбой.

Когда скромный средствами Аркадий журил Гену за расточительство, тот всегда повторял одну и ту же фразу:

— Надо не меньше тратить, а больше зарабатывать! — это было его кредо, которого он придерживался с исключительным рвением и усердно шлифовал свои изворотливые мозги в этом направлении.

Оба брата к тому времени были одиноки. Правда Гена был уже три раза женат и три раза развелся, имел четырех детей от разных жен, расселил их по разным странам и континентам, и был от этого по-настоящему счастлив, потому что теперь между ним и изматывающими рутинной житейскими проблемами были океаны волн и государственные границы. Детей он посещал регулярно, но не чаще, чем два раза в год, радовался, что они растут, причем без его прямого участия, каждый раз искренне удивляясь, как это ловко получается. На удивление дети вырастали хорошими и способными людьми, любили отца, своего праздничного папу, ответственного исключительно за красивую жизнь, отдых и развлечения.

У Аркадия семья тоже не сложилась. Научная работа — не лучшее финансовое подспорье для семьи. Женат он был один раз, на все той же Полуэктовой, но не долго. Семейная лодка, как говорится, разбилась о быт, причем вдребезги, так и не наградив папашу-Аркашу потомством. Он тешил себя тем, что книги — вот истинные его дети. Но дети оказались скромными, невзрачными, в бумажном переплете, ни славы, ни денег ему не принесли. В Ленинке их часто заказывали, почти как Эйхенбаума, но это все. И также, как и книги Бориса Михайловича, их больше не переиздавали. Аркадий было заикнулся о переиздании своих мидрашей, толкований к творчеству Пушкину, но Гена убедительно покрутил пальцем у виска. Когда Молох финансирует культуру, он обычно делает предпочтение опере и балету.

Кстати, в библиотеке Ленинке Аркадий научился курить под влиянием двух бойких девиц с декадентскими фамилиями, Разлоговой и Фенькиной, на которых он строил виды, но кроме как пристрастия к табаку здесь ничего не вышло. Девицы были себе на уме. В жизненной перспективе Аркадия эти нострадамусы не увидели будущего благополучия и карьерного роста. В чем оказались проницательно правы. Имен их, конечно, он уже не помнил, но никотиновая зависимость осталась. Это, видимо, было его единственным до сели осознанным грехом.

Гена обожал старшего брата, старший любил младшего не меньшей любовью, однако, Аркадий не одобрял дела и делишки Гены, и так ему и говорил. Со своей стороны Гена восхищался энциклопедическим познаниям и уму брата, только никак не мог взять в толк, почему умом и познаниями нельзя заработать хоть тысячную долю того, что зарабатывается хитростью, смекалкой, предприимчивостью и изворотливостью, качествами, никогда ни в грош не ставившимися в их интеллигентной и материально скромной семье.

— Хорошие дела в итоге материализуются в ответные хорошие дела, — часто повторял назидание отец. В пику ему мать хронически усмехалась и говорила:

— Ну и где твой Орден Ленина? — имея в виду орден, конфискованный при аресте в 1952 году у ударника труда, начальника паровозного депо и безродного космополита, как вскрылось бдительными органами.;— Пусть они им подавятся, — говорил в ответ отец, выпущенный в 1954 году по амнистии. При этом он умудрялся и дальше верить в Советскую Власть, допускавшую ошибки, перегибы, а в последнее время несусветную чушь и нелепицу. На левой груди у него был выгравирован чернильный портрет Ленина, большой, почти с голову вождя пролетариата перед его кончиной.

У Аркадия всю его сознательную жизнь был нередкий по тем временам потаенный семейный страх. Он не хотел сидеть в тюрьме. Ему часто снилось, как за ним приходят среди бела дня и уводят из квартиры в тюрьму, как это было с отцом. Видеть он этого живьем не мог — сон повторял пересказ матери. Подсознательно он и в иммиграцию уехал, чтобы не сидеть в тюрьме. В Германии тревожные сны прекратились. Видимо, при демократии для ретроспектив не было никаких оснований. Дело в том, что в тюрьме, а затем в лагерях, сидели его дед, двое дядьев и отец, все по мужской линии. Все за разное, кто за политику, кто за растрату, но последовательность и закономерность были лично для Аркадия Святого угрожающими, если учитывать, что все сидельцы располагались в родовой генеалогии по старшинству. Младших братьев эта участь с легкостью миновала, поэтому Аркадий трепетал за себя, за младшего брата Гену он не волновался, хотя тот в свою бытность лихо торговал валютой, предметами чужих религиозных культов, прочим антиквариатом, джинсами, затем обналичивал деньги государственных компаний, экспортировал нефтепродукты и разливал водку. В конце концов он стал торговать ресурсами в особо крупных размерах и возглавил банк. То есть прошел путь от гонимого властью советского жулика до уважаемого ею же российского бизнесмена, живым и невредимым миновав бандитские девяностые.

Но, как он ни то гордился, ни то сетовал, полным олигархом не стал, потому что, как он говорил, не смог переступить через кровь и не беспредельничал.

— Кто смог, тот стал! Я так, легкий вес. Как говорится, легкий олигарх.

Стало быть, родительское приличное воспитание не пропало даром.

Правда Аркадий долго оставался иного мнения. Он считал, что Гена как был торгашом и кооператором, так им и остался. И подняться до вершин большого бизнеса ему не хватило смелости, дыхания и масштаба. Но спорить с братом не стал. Тем не менее, он постепенно понимал, что среди них двоих брат выбрал, скорее всего, наиболее подходящий по ходу времени путь.

Аркадий сначала не поощрял деятельности Гены, потом смирился — поделаться ничем не мог, затем стал с уважением относиться к деятельности брата, которому удалось выйти из нужды и стать богатым человеком, тем более, что духовно богатым ему с детских лет быть не светило.

Тем не менее они иногда вздорили. Тема была такова: как-то не по-русски ведет себя брат. И ставил ему в пример известных меценатов. Гена, по мнению брата, тратил невероятные деньжищи не пойми на что, в то время как люди в стране голодают. Тема эта была отвлеченной, потому что Гена из окна своего дома или автомобиля не видел тех, кто голодает. Африка, где, как он усвоил еще с детства, подходила для аргументации лучше, но она была далеко. Поэтому Гена упрекам не внимал. Не внимал он и предупреждениям брата о том, что рано или поздно все плохо кончится. Или народ взбунтуется бессмысленно и беспощадно, или нефть сдуру подешевеет, и тогда они все как один пойдут по миру.

Но постепенно он стал братом гордиться. Гена стал выглядеть очень респектабельно, лоснился и благоухал, в нем появился ботоксный глянец, который появляется не столько от хорошей еды, устриц, пармезана и осетрины по-буржуйски, сколько от определенного, правильного образа жизни. Сознание наличия больших денег делают людей похожими на грозных богов или на ушастого Будду в золотых очках, в худшем случае на божьих избранников. И как боги, Гена даже стал интересоваться музами.

В иммиграции страх сидеть в тюрьме рассосался, и Аркадий навсегда потерял прежнюю тревогу, а вместе с ней и былую бдительность. Оказалось, что он не столь уж невинен в принципе: у него не раз отнимали права за быструю езду. Тут он вину признавал. Несколько раз штрафовали за безбилетный проезд в надземке, и чуть было дело не дошло до суда. Для себя он оправдывал поступок тем, что поезда ходят не регулярно, а потому не за что платить. Они не исполняют условия договора — не за что платить. Однако, пришлось подключить адвоката, и дело замяли. Он пользовался мобильным телефоном, который нашел на автостоянке, и не вернул хозяйке, которая его об этом слезно попросила, позвонив ему в тот же вечер на свой старый номер, пока Аркадий не успел сменить карту на свою. Хозяйке телефона следовало сразу назначить вознаграждение или срочно приехать, тогда бы он непременно с ней встретился и вернул. А так... позвоните завтра, у меня двое детей, сейчас встретиться не могу. А муж у тебя, голуба, есть? Значит, не сильно было нужно. Он на завтра не позвонил.

Если в чужих поступках он подозревал подвох, например, в неверно поставленном диагнозе врача, ошибочно выбранном маршруте такси, завышенном счете слесаря, он находил преднамеренность, то позволял себе ругаться и не платить. Он придумал себе в оправдание ОЖП — общие житейские принципы частного лица, основным тезисом которого было:

— Если кто меня попытается обмануть, тот сам себе виноват.

Он раньше считал себя безупречным, теперь почувствовал себя непорочным. Теперь все должно было быть по его. Это, конечно, неправильно, это уже попахивало самодурством, местами самосудом, но ничего не поделаешь — везде порок и обман.

— Ты, брат, как-то измельчал, — пенял ему Гена.

— Кругом подонки и негодяи.

— Мелкой души человеком становишься, брат.

— Я за справедливость.

— Справедливость уже давно с нашим миром расплевалась.

— А я говорю, нет.

Гена жил в Москве и в ус не дул до тех пор, пока не начались перемены, крымнаш и санкции. Деньги стали обесцениваться и покупка дома на берегу озера стала актуальна, как никогда.

Он срочно прилетел в Берлин дневным рейсом. Он давно приобрел барские замашки и перестал рано вставать. Если опаздывал на самолет, то борт ждал его. Аркадий приехал встречать на своем стареньком мерседесе.

— Брат, пора бы машину сменить, — сказал Гена, пыхтя садясь по московской привычке на заднее сидение. Это было его «здрасте».

— Мне и эта сгодится, — посмеялся брат в ответ.

— Денег я тебе не предлагаю, а заработать помогу.

— Знаю я тебя, — сказал Аркадий, — знаю твои заработки.

— Да не кипишись ты. Туда-сюда подвезешь на своей колымаге, пока я буду здесь, купишь себе новую. Мне на такой ездить запаadlo.

А что? Аркадий загорелся этой идеей. Он итак возил брата без конца по городу, но вот так, чтобы заработать на этом, он даже не задумался. Ему стало сперва неловко, но потом он подумал, что у брата денег много, а если посчитать, сколько времени он потратил на его разъезды до этого, то набегала приличная сумма.

Если бы брат подарил машину просто так, то Аркадий, наверное, не согласился.

Гена обыкновенно останавливался в гостинице, чтобы, как он говорил, не мешать и не надоедать брату. На самом же деле квартира брата была ему не по вкусу и совсем уже не по статусу. В ней он был как князь в хлеву. Обыкновенная двушка, хоть и с высокими потолками, пыльная, захлавленная, с грязными чашкам на газетах, прикрывающих стол и стул, холм немойтой посуды в мойке, густой навар на плите, который можно было уже скалывать кусками, квартира, давно не ухоженная женщиной, ни женой, ни домработницей. Входя сюда, Гена начинал чихать, а Аркадий, глядя на домашнюю пыль, вспоминал, что следовало бы её смахнуть, и сразу же забывал до следующего приезда брата, и пух дальше тополиным пухом собиралась по углам.

— Грязновато живешь, братуха, — говорил Гена.

— Что есть — то есть, — соглашался Аркадий.

— Надо тебя прибирать к рукам.

— Это как это?

— Женить тебя, что ли?

Гена в Берлине почти всегда останавливался в отеле Кемпинский, недалеко от брата. Долго спал, медленно завтракал с десяти до одиннадцати, затем за ним заезжал Аркадий. Они мотались по городу до обеда по каким-то важным, не совсем важным и непонятной важности делам, например, подъехать к дому, где живет Меркель и посчитать, сколько полицейских охраняет подъезд. В обед ели устрицы в КаДеВе или в Галерее Лафайет в зависимости от того, в какой части города, на Западе или на Востоке, их заставляла обеденное время. Гена заказывала себе две, а то и три дюжины. Аркадий ел рыбный суп, а устрицы не ел. Они ему напоминали его детские сопли. В четыре часа начиналось томление, и братья склонялись к коньяку, а вечером уже ужинали под водочку, принесенную в ресторан в пластиковой бутылке из под минеральной воды. Это было их традицией, не из жадности, а из озорства.

В основном они рассуждали на отвлеченные темы, медленно поднимая рюмки и произнося короткий тост.

— Вот угораздило нас тобой, брат, родиться в неугомонной стране.

— Да, сколько себя помню, её все время лихорадит. Давай выпьем за мир и стабильность.

— Вот если бы нам повезло и мы родились в другой стране. В Германии, к примеру.

— Тогда бы мы были с тобой обыкновенными бургерами.

— А не факт.

— Тут других нет. Здесь даже хиппи перерождаются в правящий класс. Вот если у нас кто баптист или пацифист, он ружье никогда в жизни не возьмет, хот ты его в тюрьму сажай. А здесь пацифисты за войну до установления полной справедливости, то есть до победного конца.

— Пьем за родину, за то, что не сделала нас бургерами.

— Эх, брат, нет совершенства в мире.

- Это само собой. В иной стране правитель конченный прохвост, а при нем народу жить хорошо.
- Это ты о ком?
- Не о ком, так, к слову.
- Выпьем за все хорошее!
- Вот ты всегда был за то, чтобы все поменять.
- Ну не все, самую ничтожную малость.
- А я за то, чтобы все осталось, как есть. Вот, соседи недавно своего прохвоста поменяли.
- Да, лучше не стало.
- Думаю, у нас будет по-другому.
- С чего это, мы что, из лучшего теста? Как бы хуже не стало.
- Уже хуже некуда.
- Они тоже так думали. Соседи наши.
- Пьем за стабильность!
- Чем позже у нас произойдет революция, тем больше спасется людей.
- А революция неизбежна?
- Ты же, брат, раньше был оголтелым демократом.
- Был, да весь кончился.
- Если революция неизбежна, значит, погибнет много людей. Без этого никак. Со времен французской революции доказали.
- Я, брат, за преимущество человеческой жизни перед человеческим достоинством.
- А я наоборот.
- Ты готов погибнуть за человеческое достоинство?
- А почему бы и нет?
- Давай за тебя!
- А вот пенсионеры Елизавета Прокофьевна и Петр Лукич не готовы. Им бы спокойно до смерти дожить.
- Давай и за них выпьем!

Говорили только во время перемены блюд. Гена ел все время второпях, не поднимая головы до тех пор, пока все не съедал. Манера эта, несмотря на нынешнее сытое время, осталась у него с детства.

А еще с детства Гена взял моду подшучивать над окружающими, особенно родней. Вообще он не представлял себе, как можно не созорничать. Но озорство его было не физического свойства, а творческого характера. Ему никогда не приходило в голову причинить кому-то боль, например, посадить кого на гвоздь или кнопку, чтобы было смешно. ;Однажды, после того, как зимой в Зюзинском лесу заблудился и замерз лыжник, Гена предупредил мать, что возле леса поставили

наряд милиционеров, чтобы проверять лыжников на наличие бутербродов, термоса с горячим чаем, как водителей на аптечку и огнетушитель. Так партия КПСС и правительство СССР заботятся о том, чтобы население нечаянно не померзло в лесу. И если не предъявить патрульным припасы, то лыжника не пустят в лес. А если поймают в лесу, то оштрафуют на 15 рублей, сумму по тем временам огромную.; Аркадий очень любил лыжный спорт, имел юношеский разряд, решил в воскресенье пойти пробежаться. Мать, по совету Гены, собрала ему рюкзак, сунула туда китайский термос с драконами, который ужасно мешал и бил по спине. Милиционеров, естественно, в лесу не было.

Гена умел врать, рассказывать истории и небылицы с таким убедительным видом, что хочешь не хочешь, а невольно поверишь. Потом, через какое-то время, вспоминая эту быль, Аркадий думал, что какой же он был дурак, что поверил. Знал, однако, каждый раз попадался вновь. И когда он говорил об этом брату с укором, тот отнекивался и рассказывал новую историю, с виду совершенно неправдоподобную, которая в итоге оказывалась чистой правдой. Например, о том что немецких солдат снабжали наркотиком, и таким образом объяснял успехи Вермахта в начале Второй мировой войны. Наркотик давал возможность не прерываться на сон грядущий и создавал постоянное ощущение эйфории.

— Так химики обеспечили Третьему рейху военные победы, — подвел Гена итог.

Аркадий, естественно, не поверил, порылся в источниках, и это как раз оказалось чистой правдой. Препарат назывался «первитин», он повышал настроение, вызывал чувство радости и счастья. Его даже дополнительно добавляли в шоколад.

Аркадий недоумевал, а Гена на некоторое время себя реабилитировал. Так он чередовал невероятные истории с чистейшими небылицами и розыгрышами. Мать обыкновенно била его за это кухонным полотенцем по голове. Отец никогда не попадался — он просто не слушал и уходил в другую комнату.

— Шламазл, — это была его дежурная оценка Гены.

На третий день пребывания Гены в Берлине Аркадий заехал за ним, как сговорились, в Кемпинский. Гена еще завтракал, грузно сидя один за столом на четверых, развалившись как барин. На столе было все.

— Садись сюда, — властно сказал он, указывая на стул напротив, — давай, помогай.

Аркадий стал отнекиваться.

— Чудак-человек, — настаивал Гена, — садись. Не хочешь, не ешь. Мне с тобой поговорить надо.

— О чем?

— О жизни.

— Ну, полный вперед. Больше не о чем?

— Вот скажи, разве твоя жизнь — это жизнь?

— А что не так? Что тебе не нравится?

— Да все мне в твоей жизни не нравится. Какая-то она у тебя скудная, убогая, не настоящая. Вот ты свою жизнь почти под самый конец подвел, а в Австралии еще не был. Ну, написал ты свои книги, ну и что с того? Вот давай с завтрашнего дня начинай новую жизнь.

— Что это все значит?

— Надо, брат, менять твою классовую принадлежность.

Аркадий подумал, что завтра, как и сегодня, у него особых планов нет, и что, пожалуй, ничего ему не мешает начать новую жизнь. Побыл интеллигентом, побуду и буржуа.

— Я, в принципе, согласен, — сказал он Гене, — а что надо делать?

— Да, собственно, ничего. Что делаешь, то и делай, — сказал Гена, и у него появилось загадочное и лихое выражение на лице, какое у него обычно бывает, когда он задумывал созорничать. Аркадию бы обратить на это пристальное внимание, но он так был увлечен новой жизнью, что ничего подозрительного не заметил.

Аркадий уже представлял, как он приедет в магазин на своем старом мерине, а выедет на совсем новом. Он мысленно уже гладил торпеду, всматривался в каждую линию, казавшуюся ему совершенством, тыкал пальцем в навигатор, установил кондиционер на 17. Вокруг него был просторный кожаный салон. Сидения он взял бежевые, анатомические, массажные, чтобы не уставала от долгой езды спина, а еще прибор ночного виденья, поворачивающийся экран монитора. Ключ теперь не надо доставать из кармана — мотор заводится отпечатком указательного пальца, который всегда с собой, — вся эта начинка нового автомобиля удивляла и радовала Аркадия. Выезжая из магазина на новой машине, он помахал рукой кругленькому человечку со стриженной бородкой, неловко стоявшему на обочине в попытке сделать шаг навстречу.

— Дурак, куда прешь? — выругался Аркадий.

Этот человек был он сам, но только прежний, тот, чей автомобиль остался там, в жалком и бедном прошлом.

В канун Судного дня Аркадию позвонил незнакомый ребе и на очень плохом немецком пригласил на вечернюю молитву. Вечер этот, как сказал ребе, очень важный, заявка на год вперед, а может, и на всю жизнь. Делается запись в книге, и запись должна быть правильной. Ребе признался, что телефон ему любезно дал брат Гена.

— Ты зачем меня подставил? — спросил Аркадий брата.

— Надо потихоньку подбираться к Богу.

— А сам?

— Пропускаю тебя, брат, вперед. Ты же начинаешь новую жизнь!

— Ну, полный вперед. Хоть бы меня спросил.

— Не переживай! Я в следующем году. Даже закажу себе белого петуха, чтобы на него пал меч!

— Какой меч?

— Карающий.

К шести часам вечера Аркадий хорошо поел, как предписывает обычай, надел белую рубашку, черные брюки и пошел, как и пообещал ребе, пешком по адресу, который тот ему продиктовал. Говорят, что судьбы людей написаны на небесах. Некоторые, зная это, стремятся каждый год внести правку в книгу судеб, вымаливая у бога снисхождение. Аркадий раньше полагался на собственные силы, отодвигая рок судьбы как можно далее на потом, если не насовсем, но тут решил пойти на поводу у ребе. По дороге, не такой уж близкой, он вспоминал все грехи за

прожитые годы, в которых ему следовало покаяться. Им не было числа. Из всех 613 заповедей, предписаний и запретов, он, пожалуй, не нарушил пока что только одно — не убий. Он даже вспомнил, как в юности позаимствовал в синагоге два огромных тома Византийского талмуда 1898 года издания. Очень они ему тогда понравились.

— Не опоздать бы, — думал Аркадий.

День был осенним, ярким и солнечным, будто бежал в догонку ушедшему лету, когда тепло пробивается сквозь утренний морозец, и если дул ветер или появлялись облака, становилось вдруг холодно, а когда стихал или уплывали облака, тогда делалось жарко до пота.

По адресу, куда он спешил и пришел почти вовремя, никакой синагоги не оказалось. Аркадий прошел всю улицу, сокрушаясь, что неправильно записал номер. Боялся, что совсем опоздает. В сердцах он обругал себя за безалаберность, за то, что вечно у него вот так — слишком на себя понадеется. Нет бы перепроверить, переспросить. А все от гордыни. Такое благое, в сущности, было намерение, и не суждено его воплотить.

— Грешник я, неисправимый грешник, а потому и не пристало мне покаяться в грехах, — сперва подумал Аркадий и сделал вывод: видимо, слишком у него их много. А говорят, Бог милостив. Даже приступить к покаянию не позволил. Только потревожил религиозное чувство.

По дороге назад Аркадий понял свой промах.

— А откуда у Гены знакомый ребе в Берлине? — задал он себе резонный вопрос.

Домик на берегу небольшого городского озера оказался четырехэтажным особняком с большим участком хорошо обустроенной земли, с выходом к берегу, старинная купальня, две каменные довоенные лестницы, спускающиеся к воде. Гена буквально влюбился в этот дом, в этот сад, в это озеро. Возле дома лежал брошенный старыми жильцами футбольный мяч. Гена по-мальчишески ударил по нему, и тот улетел далеко в кусты. Это сразу сроднило его с домом больше, чем если бы он привел сюда кошку.

— Здесь я поставлю большую палатку, настелю деревянный пол, куплю мангал, будем шашлыки жарить, уху варить, а потом купаться. Нет, не так. Сначала я перевезу сюда из Москвы повара, — уже по-деловому мечтал Гена. Он отвел маклера в сторону, о чем-то с ним переговорил по секрету, и они оба остались довольны.

— Ты будешь жить здесь, — сказал он брату, — но чтобы ты прям завтра смог начать новую жизнь, нам надо сегодня еще подъехать в банк.

— Зачем?

— Поехали, — скомандовал Гена, вскочил с лавки и стремглав направился к выходу. В руках у него был алюминиевый чемоданчик. Аркадий бежал за ним вприпрыжку между кустов, едва поспевая.

— Едем, — Гена с братом не церемонился.

Через несколько минут они были уже возле банка.

— Жди меня здесь! — приказал брат брату, — только никуда не отъезжай, я быстро. Он взял с собой чемоданчик и забежал внутрь.

Аркадию стало не по себе. Он стоял напротив входа в банк как-то неловко. Любой полицейский патруль мог наказать его за остановку в неполюженном месте. Он нервничал и ругал брата за то,

что тот по московской привычке заставляет останавливаться где попало, и только чудом они до сих пор избегали штрафов.

Гена действительно пробыл в банке недолго, буквально запрыгнул в машину и крикнул брату:

— Гони!

Аркадий сначала не понял, но Гена снова закричал на него:

— Быстро!

Брат был какой-то нервный, возбужденный, и Аркадий стал догадываться, что что-то тут не так. Краем глаза он увидел, как Гена открыл алюминиевый чемоданчик, положил вязаную балаклаву, скрученную в сверток, внутри которого был довольно массивный предмет. Одновременно он заметил, что в чемодане пачками лежат деньги. Столько денег вместе он никогда не видел.

— Что, нравится? — спросил Гена, — половина, брат — твоя. Только следи за дорогой.

Аркадий так испугался, что у него вспотела спина, потек со лба и с висков пот. Он стер капли с лица ладонью, и понял, что дальше ехать не может. Он остановился напротив кафе, почти возле уличных столиков, заехав на бордюр. У него нервно дергалась правая нога.

— Нет! — заорал он.

— Струсил?

— Не могу я.

— Держись. Мы, брат, теперь одной кровью связаны.

— Ужас! — крикнул Аркадий и заплакал. Водители сзади психовали.

— Открывай свою дверь, быстро! — Гена вытолкнул его из машины, занял место за рулем и рванул вперед.

Аркадий, потерянный в прямом и переносном смысле, остался стоять на дороге, пока ему не стали снова сигналить, чтобы очистил проезжую часть.

Аркадий еще долго шел пешком по городу и рыдал. Шел он прямехонько домой, больше ему идти было некуда. Жизнь ему казалась конченной. Куда брат уехал, он не знал. Одно было понятно, что случилось непоправимое. Он шел домой знакомыми парадными улицами и улицами. Как ему казалось, в последний раз. Он уже решил, что непременно пойдет и заявит на себя в полицию, но сначала надо было объясниться с братом. Но где этот мерзавец? Куда он умчался? Может, он уже на польской границе? И если он её переедет, то там уже до России недалеко. Бросит машину, сядет в поезд, и поминай, как звали. А машина на Аркадии.

— Скажу, что угнали. А я не причем. А в полицию не пойду.

Страх холодом пронизал все его тело, застрял в позвоночнике, ноги будто отекали и онемели. Боль в затылке усиливалась. Аркадий дальше идти не мог. Он сел на скамейку на детской площадке, закинул голову и стал себя жалеть и думать о том, что как ни крути, а его прежние страхи в итоге материализовались. Наверняка вход в банк оборудован камерами наблюдения и его машину записали на видео. По машине его непременно найдут, а Гена сбежит с деньгами. Вот она какая, эта новая жизнь.

— От сумы и от тюрьмы... — теперь эта фраза ему больше не казалась банальной и пошлой.

Как же это он так расслабился и потерял бдительность!? Он услышал сирену, вскочил и побежал навстречу, но это была скорая помощь. Забег был снова оказался не по адресу.

И вот бежит Аркадий дальше по улице и встречает случайного человека.

— Вы еврей? — спрашивает незнакомец.

Аркадий остановился.

— Да.

— Тогда нате вам, — и протягивает запечатанный в прозрачный пластиковый пакетик с длинным листом финиковой пальмы. В таких обертках продают набор детских пластмассовых шпажек, трогательных и тупых. Аркадий отказывается принять дар, не берет, и говорит, что у него таких дома полно. И он соврал. И он и другой человек знают, что соврал. То есть оба знают, что соврал. Зачем было врать?

И где тут скрытый смысл?

— Я не знаю, что эта ветвь означает, — сказал Аркадий.

— Она одна означает, что знания есть, а добрых дел нет.

Домой Аркадий пришел только к вечеру. Мобильный телефон остался в машине. Без телефона он не мог даже выяснить, где Гена. К вечеру Аркадий окончательно понял, что Гена уже далеко.

Он устал, никак не мог от возбуждения заснуть, все ждал, что за ним придут, зато крепко уснул под утро. Разбудил его звонок в дверь.

— Все, — подумал Аркадий Святой, — сейчас будут братья.

Он уже приготовился не сопротивляться, добровольно сдаться, и покорно вытянул руки вдоль тела. Стоя у двери руки по швам, он посмотрел в глазок и увидел Гену.

Гена вошел как ни в чем не бывало. Настроение у него было смешливое. В руках у него был все тот же чемоданчик.

— Ну что, брат, — началась твоя новая жизнь? Держи свою половину от сотни, — и он вывалил на стол содержимое чемоданчика. Балаклавы и предмета, в нее завернутого, в чемодане больше не было.

— Половина от сотни — это полсотни, — подсчитал Гена.

— Ты зачем сюда пришел?

— Как сказал поэт: Я к вам пришел добычей поделиться. Все по-честному, брат.

— Как ты мог пойти на такое?

— Ну как, ты же знаешь, я ж банкир, — сказал Гена, — я хорошо знаю, где что лежит и как деньги в банке брать. Меня провести трудно. Я их хитрости хорошо знаю. Они деньги хотели немного попридержать, но со мной шутить не надо. Мне деньги нужны срочно.

— Я эти деньги не возьму, — сказал Аркадий, — а тебе советую, сразу уезжай отсюда, немедленно.

— Зачем уезжать? Я хочу тут дом купить, задаток отдать, чтобы дом на берегу озера за мной придержали. Остальное со счета переведу.

— Да как ты можешь, брат? Они же, эти деньги, ворованные.

— Это почему же они ворованные?

— Не ворованные, значит, награбленные.;— Все деньги или ворованные, или награбленные. Других не бывает.

— Бывают и заработанные.

— Заработанные — это не деньги, это средство существования, чтобы штаны с жопы не спадали.

— Брат, — сказал Аркадий, — беги скорее отсюда. Я все равно на себя донесу.

— Ты что, спятил. Зачем надо на себя доносить?

— А как же. Если сам все расскажу, то срок меньше дадут.

Брат Гена рассмеялся.;— На, бери честно заработанную тобой половину.

— Убери, убери совсем, — Аркадий отстранился от денег мелкой профессорской ладошкой.

— Бери, бери.

— Ты хочешь мне что сказать? — он по-идиотски открыл рот.

— Да не бойся ты, — сказал Гена и снова рассмеялся.

— Ты хочешь мне сказать...?

— Вот именно.

— Я тебя убью, — тихо сказал Аркадий, взял со стола большую мельхиоровую вилку из набора, подаренного родителями на свадьбу, забытую на столе невзначай, и вонзил её брату в то место, которое оказалось ближе всего, а именно в пах. Там что-то хрустнуло. Гена сначала ничего не понял, потом удивился и как-то сразу потух. Оба уставились на столовый прибор, снова оказавшийся у Аркадия в руке: он его машинально выдернул. Через минуту кровь стала хлестать из раны и намочила белые льняные брюки. Аркадий засуетился, забегал по квартире в поисках тряпки, отдаленно напоминающей жгут, разорвал байковую простынь, наvertsел брату нечто вроде чалмы на ногу, и отчаялся при виде, как она впитывает кровь. Был бы Аркадий другой профессии, более прикладной, он бы наверное, догадался, что надо делать, чтобы втихаря прекратить венозное кровотечение, и тогда бы ему, пожалуй, удалось избежать будущих неприятностей.

— Мама тогда была права, — промелькнуло в его голове.

Гена бледнел и тихо ревел басом. Аркадий больше ничего не смог придумать, как вызвать скорую. Гену увезли, онемевший от ужаса старший брат в больницу не поехал. Он сидел на кухне ногами в луже крови и думал с жалостью к себе, что как он ни старался отвести судьбу в сторону, а в тюрьме посидеть все-таки придется.